

«Я ПОЛОН СВЕТА...»

В феврале 2022 года исполнилось 90 лет со дня рождения
русского поэта Дмитрия Блынского

Дмитрий Блынский ворвался в поэзию в конце 50-х годов прошлого века. Ворвался сколь стремительно, столь же и решительно. Творческая жизнь его была до обидного короткой, но очень насыщенной и яркой, чудным светом осветившей всё, чего касался этот талантливый человек.

Орловский писатель Пётр Родичев в послесловии к наиболее полному собранию произведений Блынского «Я полон света...» (Орёл: Вешние воды, 1997) удивлялся: «... когда же он успел столько написать за свою короткую жизнь? До 15 лет – школьные годы с обязательной работой в колхозе каждое лето; четыре с гаком – обучение миниатюрной живописи в Федоскине – с пятого курса призван на военную службу; два года на флоте, потом – пять лет в Литинституте. На жизненном счётчике – 27. Далее полтора года работы в ЦК ВЛКСМ и “Комсомольской правде” (в письмах постоянные сожаления о нехватке времени на творческую работу). Ещё два года израсходованы на журналистские командировки от “Орловской правды”. После возвращения в Москву прожить поэту оставалось всего два года и неполных десять месяцев, в течение которых на его долю выпадало множество выступлений, изматывающих физически и отрывающих от листа бумаги... За вычетом времени учения, службы и работы (вообще) останется менее четырёх с половиной лет!..»

Дмитрием Блынским написано более двухсот стихотворений, семь баллад и десять поэм (не считая неоконченной), несколько новелл и без счёта – журналистских материалов; он занимался переводами, а в последний год жизни работал над романом. Помимо литературной работы, много рисовал и писал этюды.

Творил Блынский с такой неутолимой жадностью жизни и безоглядной любовью к окружающему его миру, будто бы знал, что отпущено ему всего тридцать три года земной жизни...

Как минимум уже два поколения орловских жителей выросли, считая неофициальным гимном Орловского края строки Дмитрия Блынского:

*Пойдём в мой край,
В поля, в луга Орловщины,
Нигде я лучше края не встречал.
Я тут на «ты»
С любимым ручьём и рощею,
Тут для меня
Начало всех начал...*

Даровитость орловского паренька была замечена сразу: в годы учёбы в Москве его поддержали такие известные поэты как Лев Ошанин и Михаил Исаковский, высоко оценил его творчество Александр Твардовский. Литературный институт Дмитрий Блынский окончил с отличием, будучи уже членом Союза писателей СССР. Талант его был столь очевиден и ярок, что во всесоюзную творческую организацию Блынского приняли сразу после выхода дебютного сборника стихотворений «Сердцу милый край» (Орёл: Орловская правда, 1957). В предисловии к этой небольшой книжке Лев Ошанин писал:

«Именно простотой, чистотой мира, в котором живёт молодой поэт, его органическим чувством времени и подлинно новым мирозерцанием, без всяких натяжек и без тени нигилизма – привлекает нас эта первая небольшая книга... Я думаю, что его честные и тёплые стихи тронут сердца земляков-орловцев, да и не только орловцев». Именитый поэт подчеркивал, что в стихах Дмитрия Блынского чувствуется запах тех садов, среди которых он рос, «...звон ручья, бегущего в сельскую речку около их хаты, разлёт улиц родного города, солнце своей стороны, её прошлое, её будущее».

Дальше Блынскому надлежало всей своей жизнью оправдать данный ему талант, что он и сделал блестяще, несмотря на то, что жизнь оказалась коротка. А дано поэту было много. Он был искренен, говоря: «рифмы я не вертел за столом по неделе», – нет, это ничуть не снисходительное кокетство мэтра, это строки из стихотворения, открывающего первый сборник двадцатипятилетнего Димы Блынского, студента Литинститута, ещё не умеющего заигрывать с читателем. Строки, рифмы, образы действительно сами «глядели» на него отовсюду и просились в стихи. Что, наверное, и есть Божий дар, истинный талант настоящего поэта. Это раннее стихотворение Блынского «Вступление», посвящённое Литературному институту имени Горького достойно того, чтобы привести его здесь полностью:

*О стихах говорят в этом доме поэты.
Я у двери стою, не решаясь войти.
Где ты, смелость моя деревенская, где ты?
Шла со мною сюда, да отстала в пути.*

*Что принес я с собой? На ладонях мозоли,
Запах лопнувших почек с весенних берёз
Да тетрадку стихов, где-то сложенных в поле,
Где-то сложенных в поле в жару и в мороз.*

*Я, как пахарь, их видел под лемехом плуга,
Как пастух, я встречал их в глазах у телят.
Даже вьюга, бездушная, колкая вьюга,
Мне стихами орёт так, что уши болят.*

*Где бы их ни искал я – в полях ли, в лугах ли,
Нахожу в каждом колосе, в песне ручья,
Потому мои строки землёю пропахли,
Как пропахла полынью фуфайка моя.*

*Рифмы я не вертел за столом по неделе
(Чем причудливей рифма, тем громче стихи).
На меня они сами, простые, глядели
То слезинкой цветка, то серёжкой ольхи.*

*Где ты, смелость моя деревенская, где ты?
Шла со мною сюда, да отстала в пути.
О стихах говорят в этом доме поэты.
Я стучу. Я вхожу. Я обязан войти.*

Может сложиться впечатление, что стихи давались Блынскому необыкновенно легко, но вот свидетельство современника, товарища по перу Василия Катанова:

«Он писал, что стихи находил в каждом колосе, в песне ручья, что стихами орала ему даже колкая вьюга. И это правда. Не рассказал только Дима Блынский, как долго и трудно вынашивал он каждую строфу. Помню (это было в пору его работы в “Орловской правде”), я встретил его на улице. Он шёл, сдвинув брови, о чём-то напряжённо думал. Признался:

– Два дня работаю над стихотворением об Орле. Две строфы есть, а дальше туго дело идёт.

И уходил в парк, на берег, откуда так хорошо виден город, залитый огнями, и то узкое междуречье, где велением Ивана Грозного была выстроена крепость.

Через несколько дней я прочитал в газете:

...Пой ветер, с низовьев дунувший,
Я песню твою пойму.
Стоит над Окою юноша,
Четыреста лет ему...»

Многими подмечена удивительная светоносность стихотворчества Дмитрия Блынского. Снова предоставим слово его современникам, лично знавшим и любившим поэта:

Пётр Гапоненко, друг Д. Блынского, литературовед: «В стихах Дмитрия Блынского много света. Света, солнца, красоты, добра, истины. Это и сияние души поэта, и излучение духовности, и свечение самой Поэзии. “Но приятно, люди, видеть мне, / Как вокруг светлеют ваши лица”; “И вновь живу я думаю одной: / Чтоб в каждом доме было больше света”; “В своей фуфайке, до дыр протёртой, / Иду я солнечный и богатый”; “Разве мог тогда я не влюбиться / В слово переполненное светом!” О себе поэт говорит: “Я полон света, словно утро мая”.»

Искра Денисова, литературный критик: «В поэме Блынского “Метель” есть такие строки: “А день был светел, как моя душа, и, как лицо у матери, весёлым”. Этот свет бесхитростной души Дима сумел пронести через всю свою короткую жизнь. И светом этим сияло его лицо, свет пронизывал стихи. Когда он входил в Литинститут или переступал порог нашей “Молодой гвардии”, то всем казалось, что вокруг становилось светлее...»

Пётр Родичев, писатель, литературный критик: «Одна из книг Дмитрия Блынского называется “Солнечное слово”. И это неслучайно – всю его поэзию обтекает и пронизывает стихия света. <...> Аккумуляция света и энергии – это уже давно не загадка, и прочувствованные слова Блынского “я полон света” говорят прежде всего об эстетико-нравственной полноте души, о её светимости как обратной связи между человеком и космосом».

Василий Катанов, поэт: «Чувство Родины диктовало ему стихи чистые, как родники России, благоуханные, как цветы наших лугов».

Анатолий Ёлкин, писатель, литературовед: «Он вошёл в русскую поэзию. Строками нежными, как туман в осенних перелесках, светлыми, как берёзки на заре его родной Орловщины».

Дмитрий Ковалёв, поэт: «Самой яркой отличительной чертой таланта Дмитрия Блынского было то, что светилось в нём самом, в его характере».

Свет, пронизывающий всё творчество Дмитрия Блынского (не только стихи, но и удивительно тёплые пейзажи), не мог существовать отдельно и приходить откуда-то извне, этот свет рождался внутри самого поэта, «хлестал» по его жилам, переполнял душу. Блынский безусловно чувствовал это внутреннее горение и спешил выплеснуть его на читателя, щедро и восторженно делился светом с нами. Он жил, не жалея любви своего сердца – для всех, и однажды оно не выдержало...

И по сей день Дмитрий Блынский остаётся самым значительным современным орловским поэтом. На малой родине он не забыт: в деревне Васютино Покровского района Орловской области бережно сохраняется дом, где родился будущий поэт, установлен его мраморный бюст работы Б.Д. Бологова; в Орле именем Дмитрия Блынского названа улица, мемориальная доска установлена на доме, где жил поэт; его имя носят одна из орловских школ (там же открыта мемориальная комната «Памяти

Дмитрия Блынского», а на фасаде установлена мемориальная доска) и одна из библиотек в центральной библиотечной системе города Орла. В орловских школах изучают лирические произведения Дмитрия Блынского, на его стихи орловскими композиторами написано немало песен.

Орловская писательская организация, сохраняя память о поэте, делает всё необходимое для того, чтобы на Орловщине в год 90-летия Дмитрия Блынского появилась литературная премия его имени. И уверенность в этом уже есть.

Андрей ФРОЛОВ

Дмитрий Блынский

Я иду весёлым старожилом,
Своё счастье в поле карауля.
По моим пульсирующим жилам
Хлещет солнце русского июля.

Льются звуки, веселы и юны,
Так, что слухом наполняюсь весь я, –
Это тихо солнечные струны
Жаворонок тронул в поднебесье.

А вокруг волнуется пшеница,
Созревая, силясь разгореться.
Это в ней волнуется частица
Моего пылающего сердца.

Распирают грудь густые ветры,
Так, что я иду, а под ногами
Пройденные мною километры
Кажутся немногими шагами...

Мать-земля,
Далеко-далече
Разметалась ты, горяча.
Я на плечи гляжу, а плечи
Цвета жжёного кирпича.

Наше солнце почти в зените.
Жарко так в середине дня, –
Даже тень моя,
Посмотрите,
Скрылась, сторбившись,
Под меня.

Даже ветер, прогнавший тучи
За Оку, за луга, за лес,
От жары
Под лесную кручу,
Под корягу, видать, залез.

Даже птицы молчат,
Как тени:
Где их свадьбы, их песни, крик?
Знать, от жажды или от лени
Прикусили давно язык.

Ловят солнце в реке коровы,
Зной не могут они простить, –
Выпить реку с утра готовы,
Только солнце бы
Проглотить.

И пускай даже самый старый
Плечи дуб опустил, зачах, –
Солнце,
Бронзовый от загара,
Я несу
На своих плечах.

Я полон света,
Словно утро мая:
Отец мне – город, мне деревня – мать.
Я руки их шершавые сжимаю
И тем силён, что их могу сжимать.

Чтоб не коснулась никакая вьюга,
Тепло их рук я всюду берегу,

Как жить они не могут
Друг без друга,
Так жить без них – двоих – я не могу.

Но только в песнях сына будет чаще
Шуметь пшеница и вздыхать ветла:
Под шелест трав,
Под плеск ручьёв журчащих
Меня моя деревня родила.

Дыханьем ветра,
Что пропах лугами,
Она меня поила поутру,
Звала на косягор,
Где в птичьём гаме
Креп голос мой под солнцем, на ветру.

Когда же с ней простясь у сеновала,
Я уезжал к отцу, что знаменит,
Она мне долго,
Грустная, кивала
Платком сбегающих к ручью раки.

Я полон света,
Словно утро мая:
Отец мне – город, мне деревня – мать.
Я руки их шершавые сжимаю
И тем силён, что их могу сжимать.

Из стволов деревьев каждый год
Май – извечный опытный наводчик
Целится и прямо в солнце бьёт
Золотыми выстрелами почек.

Заглушая птичий звон и писк,
Каждая живая рвётся почка.
И горят от солнца тыщи брызг
На ладони каждого листочка.

И горит земля из края в край
Пламенем бездымным и зелёным.
По моей стране шагает май,
Улыбаясь выстрелившим клёнам.

Рвутся почки, рвутся там и тут,
И побеги новые растут.

Травы стали ниже, воды тише,
Ветры успокоились с утра:
Девушка одна стоит на крыше
С неразлучной кистью маляра.

Не жалеет цвета голубого
И зелёный цвет не бережёт –
И сверкают молодо и ново
Старые земля и небосвод.

Солнце нынче слабого накала,
Тускло смотрит вниз, и потому
Кисть девичья тянется к нему,
Чтоб светило ярче засверкало.
И стоит,
в делах своих красна,
Девушка по имени Весна.

Май уходит тихо, и куда ты
Взгляд свой перед вечером ни кинь –
У ручья стоят полынь да мята,
А за ними – мята и полынь.

Май в зелёных травах, как в сорочке,
Он плывёт, подобно кораблю.
Я их не люблю поодиночке,
Я, как в жизни, вместе их люблю.

Я иду по солнечной долине,
И, влюблённый в эти травы, я
Сладость мяты с горечью полыни
Жадно пью, как солнце – из ручья.

Потому и в песне долю нашу
Не перечерню и не прикрашу.

В. Солоухину

– Как выпить солнце? – ты спросил.
– Смотри, я солнце пью,
И потому – достаток сил,
И потому – пою.

– Как выпить солнце? – ты спросил.
– Смотри, я солнце пью,

И свет, что ярок и красив,
Наполнил жизнь мою.

Где б ни был я – и там и тут,
В моём родном краю,
Как воду пригоршнями пьют,
Я жадно солнце пью.

Повсюду в разные часы
Природе вопреки
Я пью из капельки росы
И из большой реки.

Пройду ли я над бездной круч,
Шагну ль через межу,
В скопленье самых чёрных туч
Я солнце нахожу.

Струится свет от рыжих кос,
От головы седой,
От камня даже, что оброс
Зелёной бородой.

Домой под вечер торопясь,
Шагая по полям,
Люблю месить крутую грязь,
Что с солнцем пополам.

Чтоб свет в душе моей не гас,
Как на исходе дня,
Я солнце пью из добрых глаз,
Что смотрят на меня.

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

С ним я подружился знойным летом –
В дни, когда у деда был подпаском,
В дни, когда не думал быть поэтом,
Зная мир по бабушкиным сказкам.

– Здравствуйте! –
Негромким этим словом
Деда я приветствовал вначале,
Я его произносил коровам.
Но они, как дед, всегда молчали.

А когда я в луг шагал с обедом,
Кто-то крикнул мне в ответ:
– Здорово!
Я любил свой кнут, сплетённый дедом,
Но ещё сильнее это слово.

Я любил сидеть с кнутом у вяза
Перед стадом, за селом заречным.
Повторяя за день по три раза
«Здравствуйте»
Одним и тем же встречным.

Нравилось, как сумрачные лица
Озарялись весело при этом.
Разве мог тогда я не влюбиться
В слово, переполненное светом!

«Здравствуйте!» –
Всю жизнь свою желаю
Повторять я это слово всюду.
Буду счастлив, если, умирая,
Я сказать «прощайте» позабуду.

